

Сейчас уже почти повелся тип актера-гаст-ролера, что во множестве путешествовал из одного театра в другой — из Рязани в Саратов, из Твери в Калугу. Что ни год, то новая встреча на актерской бирже в Москве:

— Ба! Откуда? Куда направляешься?

Конечно, были за этим и печальный подтекст, и горькая доля человека, который всю жизнь искал свою судьбу. Но были и свежие впечатления от новых городов бескрайней математики Руси, была и радость обретения друзей-товарищей, было каждый раз чувство экзотической замены на новую роль в новый коллектив.

Немало таких дорог прошел, прежде чем оказаться в Иркутске, артист театра драмы Иван Николаевич Климов. Почти полвека кочевой жизни, смена театров, режиссеров, зрителей. Разные сцены страны — от Архангельска до Грозного, от Калуги до Иркутска. Драматургия Горького и Островского, Чехова, Корнейчука, Арбузова. Роли комические, трагические, драматические и даже опереточные. Множество друзей повсюду — зовут и по сей день: приезжай, встретим, как родного! И знает Иван Николаевич: встретят, приютят, обогреют, поделаются всем, что в доме, и всем, что за душой. Кочевая жизнь приучила их с Августой Федоровной к легкости и простоте в перемене мест, они не держатся ни за дом, ни за вещи. Была бы гитара, что и сейчас висит на почетном месте в их маленькой квартирке, а песни и настроения придут сами собой! Да еще книги да альбомы со множеством снимков, программ и газетных вырезок — ведь их судьба причастна к истории театра российского.

И вот теперь уже десятый год Климов в Иркутске. Пришла пора зрелости, и очень хотелось осесть надолго, чтобы поразмыслить, разобраться в накопленном, выдать «на-гора» тот творческий и душевный багаж, что накопился за эти годы, сыграть такие роли, в которые и жизнь вложить не жалко.

Артист! Это слово было недостижимо-прекрасным для ученика колбасника из Великого Устюга на Вологодчине. После работы он торопился в клуб, где поклонники «Синей блузы» каждый раз ждали от него свежих куплетов на актуальные городские темы. И вот настал день — его пригласили на роль! На маленькую бессловесную роль в сезонном драматическом театре.

— Ванюшка, давай! — кричали ему из зала друзья-ровесники, рабочие с судовой, вчерашние товарищи из футбольной команды профсоюзных пишевиков. И он старался искать свои приметы образа, свою особинку в каждой малой роли — благо, что в жизни уже увидел, подсмотрел, пережил немало. Были в те первые годы встречи и с большими мастерами — год работал в Ленинграде, несколько лет в Архангельском Большом драматическом театре, в Курске и Грозном.

Война застала его в Котласе — маленьком городке Вологодской области на стыке больших речных и железнодорожных путей. Через месяц ехал он на Волховский фронт. Еще до войны окончил полков-

ную школу станковых пулеметчиков, имел отличия. Но здесь, на фронте, надо было учиться не просто стрелять из пулемета, а воевать, надо было каждый день и каждый час быть готовым к бомбежкам, к артиллерийским обстрелам, к атаке, а то и к рукопашной схватке. И переправа через Ладогу по тонкому хрупкому льду, и бешеный артобстрел на пятачке у Невской Дубровки, и рукопашный бой под Колпино — все это было его фронтовой азбукой.

Эти годы были действительно равны целой жизни — столько впечатлений, потрясений, событий и побед при-

лось ему пережить. Самая дорогая реликвия для него — пожелтевшее благодарственное письмо командира части ему — участнику героической обороны Ленинграда, бойцу Волховского фронта, освободителю Новгорода, Прибалтики и Риги, герою боев с одиннадцатой вражескими танковыми дивизиями у озера Балатон, участнику взятия Вены, прошедшему все горнила войны...

Совсем недавно после спектакля в иркутском театре подошел к нему человек:

— По голосу узнал тебя, Иван.

И вспомнил Климов: да это же Донов, тоже Иван, все последние годы воевали вместе.

Проговорили всю ночь. Августа Федоровна только успевала подливать чайку да вытирала потихоньку слезы. Вспомнила и она, как встретила в Котласе бравого гвардейца при всех регалиях, медалях и нашивках — приворожила ее в нем лихая удалец в глазах, пышный чуб на лбу да веселые песни — их Иван знал немало. Вызывала удивление жадность до работы, до ролей — любых, и больших и малых, лишь бы были в них жизнь, правда, яркая человеческая индивидуальность. Будто хотел Климов прожить заново ту жизнь, те годы, очень ценные для творчества, для актерской судьбы, что отнял у него враг.

Котлас и Великие Луки, Усть-Каменогорск и Кузнецк, Тюмень и Нижний Тагил — новые дороги, новые театры и роли. Что было причиной таких частых переездов? На первый взгляд, сложившаяся уже привычка решать все проблемы «сжиганием мостов» — там не дали квартиру, тут неудовлетворение работой, там позвал интересный режиссер, а тут хорошая рыбалка... Но это на первый взгляд. При всем этом «движении по горизонтали» был неизменный рост «по вертикали» — усложнялись задачи, экспериментировались новые роли, вырабатывался тот

неповторимый стиль, который обогатил палитру актера большим разнообразием приемов и находок, сделал ее универсальной.

Долгое время — это повелось еще с Котласа — держалось за Климовым амплуа комического актера. «Очень привлекает в роли врача Колесникова, шутника и балагура, артист И. Климов, появление его на сцене каждый раз вызывает сживление в зале», «Тонкий юмор, лирическая теплота отличают игру Климова», «Наиболее удачным нам представляется образ Сундукова в исполнении талантливого комедийного актера И.

из «Кремлевских курантов» Н. Погодина, старого врача Бублика из «Платочка Кречета» А. Корнейчука, выслушавшего двадцать шесть тысяч сердец, безымянного старого сапера, острого на язык вселогодского плотника в спектакле «Люди, которых я видел» С. Смирнова.

Как мало еще говорим мы о тех, кто, выходя на сцену, переживает чью-то — близкую или далекую ему — судьбу, кто прежде чем создать роль, изучает эпоху, ищет стержень характера, внешние приметы образа, кто всегда, как правило, имеет что сказать зрителю — были бы для этого пьеса и роль.

За все это ответственны

поэзия, детской чистотой веры в лучшее в человеке образ куклы-мистера Рагно из «Сирано де Бержерака» Э. Ростана и убийственный характер скопидома и мещанина Золотуева, привыкшего считать, что за деньги все можно купить и все продать («Прощание в июне» А. Вампилова).

И все-таки, перебирая работы, созданные актером в Иркутске, убеждаешься в том, насколько легко он с первого своего появления в коллективе вписался в его характер и репертуар, насколько необходимы стали артисту театру, а театру — артисту. При всем том, что в труппе хватает исполнителей, родственников ему по амплуа и возрасту, И. Н. Климов принес свои неповторимые оттенки трактовки характеров, приметы жизни, свое правдивое и нужное слово в искусстве. Достойно назвать только три роли.

Пичем в «Трехгрошовый опере» Б. Брехта — фигура столь же зловещая, сколь и привлекательная всем разнообразием оттенков искусства, с каким расцвел артист характер главы мафии, хозяина «дела», и в то же время убедительная точным брехтовским отстранением образа, анализом его изнутри и одновременно — со стороны, острым, словно скальпель, взглядом на этот персонаж писателя — сатирика и реалиста.

Христофор Блохин в «Сказках старого Арбата» А. Арбузова — человек необыкновенной доброты и отзывчивости, казалось бы, полностью растворяющийся в своем кумире Балясникове. И в то же время именно Христофор — та «пружина управления», та «АСУ», которая исподволь руководит этим большим ребенком, — как известно, настоящий талант не умеет собой правильно распорядиться.

Наум Евстигнеевич из «Характеров» В. Шукшина — крепкий хозяин, знающий, почему нынче шмат сала и не пожалевший его для парнишки-старшеклассника, грызущего «натошак» гранит науки. И не вдруг и не сразу, а поразмыслив да порассуждав о чьей-то своей, получив прежде от парнишки кое-какую информацию о том, как академик Павлов на себе, умирающем, давал уроки студентам.

Вот это «не сразу» и «не вдруг» И. Климов умеет делать удивительно правдиво. Ибо он из тех артистов, что не просто говорят монолог со сцены, не просто, исполняя режиссерские мизансцены, живут в образе по системе Станиславского, а в самом деле успевают за короткий сценический срок прочувствовать и продумать все, что вызывает к жизни этот монолог, эти реплики, весь образ как правило, не однозначный, а сложный и даже противоречивый.

Артист — профессия у нас популярная, казалось бы, каждому доступная для понимания. И в то же время какая загадочная и таинственная это работа! В ней столько же секретов, сколько артистов у нас в стране, и столько оттенков, сколько персонажей приходится им играть. А на счету Ивана Николаевича — полтысячи ролей.

И. ДУБОВЦЕВА.

НА СНИМКАХ: И. Н. Климов в ролях — Христофор («Сказки старого Арбата»), Мамаев («На всякого мудреца довольно простоты»).

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ЗАГАДКА АРТИСТА

Климова — мелькало в печати. И хотя было сыграно множество самых разнообразных ролей, нет-нет да и заскребет досада: нельзя только комиковать. Есть за душой немало серьезного, глубокого, настоящего. И к привычной череде комических ролей прибавляется «странный гибрид» — Сом из пьесы А. Корнейчука «Над Днепром». Вроде бы и смешной, колоритный этот тип, а совсем не безобиден и вовсе уж не прост — шаг за шагом в беззлобном гуляке и хвастуне раскрывал Климов истинную душу хапуги, собственника, мещанина. «Он и вправду, как сом, — сидит под надежной корягой, любит тину и тишину. Такой председатель колхоза только путается в ногах и тянет дело назад», — констатировали рецензенты.

Совсем другими красками отличался неповторимый образ Фальстафа из шекспировских «Виндзорских насмешниц». Пьяница и обжора, весельчак и балагур, хвастун и забияка вырастал в обобщенный образ тунеядца, пытавшегося обогатиться любыми путями. «Глубокое понимание образа позволило актеру не только дать точный внешний рисунок роли, но и четко воспроизвести акценты, раскрывавшие главное в шекспировском герое без нажима и утрирования», — отмечала критика.

Острыми сатирическими красками, близкими к памфлету, рисовал И. Климов злобный образ консула из пьесы Г. Мдивани «Украли консула». Совсем иным колоритом отличались сочные характерные персонажи из русской классической драматургии — спесивый и глупый Мамаев — «На всякого мудреца довольно простоты» А. Островского, хитроумный унтер — «Правда хорошо, а счастье лучше», Потехин из «Чудаков» М. Горького.

А рядом с ними жили наиболее дорогие Климову образы чистых и душевно богатых, щедрых сердцем людей — умного, доверчивого часовщика

не только режиссер, поставивший спектакль, и художник, принявший пьесу в репертуар, назначивший актера на роль. Мало ли у нас случаев, когда о прекрасной роли исполнитель не пишет только потому, что остальной спектакль не удался, и ругают артиста за то, что режиссер неправильно назначил его на роль? Как хочется актеру, чтобы каждая его новая работа была точным попа-

данием в цель, чтобы весь спектакль звучал с той же силой и выразительностью, какие вложил он в один свой замысел. И вряд ли надо радоваться тому, что инному исполнителю порой удается создать почти концертно яркий, но, увы, одинокий в спектакле образ, если по своему стилю и колориту он отличается от всего остального ансамбля.

Эти мысли приходят, к сожалению, в голову, когда анализируешь и те работы, что созданы за последние годы И. Климовым, как и некоторыми другими ведущими артистами, в иркутском театре драмы им. Н. П. Охлопкова. Такая судьба постигла полный жизни, трогательной преданности